

1

Анаис

*Есть дни, когда я хочу кричать,
но знаю, что никто не станет меня
слушать.*

Сейчас самый обычный вечер. Из тех, за которым следует длинная ночь, когда я остаюсь наедине со своими мыслями.

Снаружи льет дождь, и я не стала закрывать окно занавесками в надежде, что шум дождя меня убаюкает. Я понапрасну пытаюсь заснуть, ворочаюсь и снова и снова меняю положение тела, однако сон так и не хочет освободить меня от этого мучения.

Я — капитан команды чирлидеров своей школы. Это значит, что я должна выкладываться больше, чем все остальные, и сегодня тренировка действительно была интенсивной. Все мои мышцы онемели, но даже это не помогает мне заснуть.

Скоро пробьет полночь, и весь дом погрузится в полнейшую тишину. Сегодня вечером было очень больно засовывать два пальца в горло. Когда я не делаю так сразу после еды, то вызывать рвоту бывает довольно-таки сложно.

Сара Пуртура

Мое горло еще горит, и я сажусь, чтобы выпить немного воды.

Замечаю, что дождь закончился и на небе не осталось ни облачка. Я вижу полную луну, которая выглядывает высоко-высоко на небе, и мое воображение разыгрывается не на шутку: мне кажется, что сверху нежным взглядом смотрит на своих детей заботливая мать.

Взгляд, который я никогда не видела в своей жизни.

На диване вибрирует мобильник. Встаю. Пришло сообщение от Евы, и на миг мне хочется его просто проигнорировать.

«Зайдешь в скайп?» — просит она.

Моя сестра учится в Университете Сан-Франциско. Она на два года старше меня и собирается стать врачом, как наш отец.

Не могу сказать, что у нее был большой выбор...

Со временем стало казаться, что мечта великого кардиохирурга Мэттью Керпера стала и ее мечтой, но я не знаю, так ли это на самом деле. Чем старше мы становились, тем сложнее было разобраться в наших собственных желаниях, так что мы просто приняли, что родители все решили за нас.

Мобильник гудит еще раз. Очередное сообщение.

Черт. Я просто хотела закрыть глаза и забыться во сне, но Ева не даст мне покоя, пока не убедится, что со мной все в порядке. Так что я включаю компьютер и жду ее видеозвонка.

Когда я вижу на мониторе ее улыбку, у меня замирает сердце. Мне очень сильно не хватает сестры, и хотя с отъезда Евы прошел целый год, до сих пор не могу привыкнуть, что ее нет рядом.

— Привет! Я тебя разбудила? — спрашивает Ева.

— По правде говоря, я еще не заснула. А тебе самой еще не пора ложиться?

— Сегодня — пятница, так что наш кампус еще не спит, вот я и захотела услышать тебя.

— Это звучит слишком сентиментально даже для такого романтика, как я, не говоря уж о тебе. Что случилось?

Лицо сестры сразу стало серьезным.

— Ничего серьезного. Я просто узнала, что папа с мамой опять уехали, и ты там совсем одна, а мне это не нравится.

Линда... Должно быть, она созвонилась с нашей домработницей.

— Сестричка, если ты не забыла, то я уже совсем взрослая и могу о себе позаботиться, — я пытаюсь обратить все в шутку.

Однако она по-прежнему непреклонна.

— Послушай, милая, ты не должна меня обманывать. Они уже начали на тебя давить?

При этих словах я чувствую, как слезы одна за другой начинают течь по лицу, и пытаюсь не дать себе расплакаться.

Кажется, моя судьба тоже предрешена.

Я стану врачом, хотя даже не переносу вида крови. Это злая шутка, но в какой-то момент угождать отцу стало обязательным, а наши собственные мечты затаились где-то глубоко внутри нас, и мы просто прекратили к ним прислушиваться.

— Анаис, я знаю, что ты испытываешь, ты понимаешь? — говорит Ева.

— Конечно, ты это знаешь. Ты чувствовала то же самое до прошлого года, — отвечаю я.

— Но у меня была ты. А кто есть у тебя?

Это мой выпускной год в школе. Мне нужно подать заявление, чтобы меня зачислили в тот же самый колледж, в котором учился мой отец, но я продолжаю тянуть время в надежде набраться храбрости и сказать ему, что не хочу туда поступать. Сказать, что у меня другие мечты. Колледж литературы и науки в Лос-Анджелесе стал бы идеальным вариантом для меня, но когда я заикнулась ему об этом, случилась маленькая трагедия.

— Ты вернешься домой? — Я спрашиваю сестру об этом, потому что очень сильно хочу ее увидеть снова, а еще чтобы сменить тему. Мне не хочется, чтобы она за меня беспокоилась.

Сара Пуртура

В прошлый раз, когда она была рядом, ее насторожили мои постоянные побеги в ванную комнату, и однажды она поймала меня на пороге. Сестра все слышала, и мне пришлось солгать, будто бы у меня случилось несварение желудка. Она сделала вид, что поверила, однако с тех пор всю за мной приглядывает.

— Я скоро вернусь, осталось сдать всего два экзамена, — Ева разочарованно вздыхает, поскольку я, как обычно, ничего ей не рассказала. — Давай-ка ложись, сестренка. Позвоню тебе завтра.

Я улыбаюсь в ответ, пытаюсь не выдать себя взглядом, и выключаю компьютер.

После я снова подхожу к окну. С улицы тянет прохладой, и я обнимаю себя обеими руками. Дождь разошелся пуще прежнего, и его струи мелькают разноцветными бликами в свете фонарей за окном.

Мой взгляд теряется среди теней в саду. Я вижу себя, маленькую девочку, которая гоняется за бабочками на этой лужайке. Это воспоминание приковывает к себе все мое воображение и рисует на оконном стекле картинки прошлого. Когда-то я была счастливой. Мир снаружи был огромным, но я не испытывала перед ним никакого страха. Затем я выросла, а реальность сжалась. Теперь я вижу лишь эшафот, который соорудила, поскольку этого требует от меня моя семья: быть капитаном команды чирлидеров, невестой квотербека школьной сборной, красоткой-блондинкой с суперфигурой, идеальной ученицей, которая приводит всех в восхищение. Оболочка, внутри которой я задыхаюсь с каждым днем все больше и больше и от которой никак не могу освободиться...

Ненавижу то, что я вижу.

Ненавижу свою мать и ее преклонение перед диетами.

Ненавижу своего отца, который не замечает меня настоящую.

Ненавижу те дни, когда я хочу кричать, даже если никто не станет меня слушать.

Ненавижу, что не могу быть той семнадцатилетней девчонкой, которой хочу быть.

Все время мира

Я спрашиваю себя, когда все изменилось и был ли вообще момент, когда все могло пойти как надо. Иногда нужен один поцелуй, одно объятие, обычная ласка. Я никогда не получала ничего подобного, и со временем отдала своей семье всю власть над собой.

Я задергиваю шторы, оставляя снаружи мир, о котором мечтала. Ложусь в кровать, обнимаю собственное одиночество и с безмолвным криком утыкаюсь в подушку.

2

Анаис

Когда ты по-настоящему являешься собой, ты понимаешь того, кто хотел быть с тобой рядом.

Опаздываю! Я не услышала будильник, и теперь у меня лишь пара минут, чтобы привести себя в порядок и добежать до школы.

В спешке чищу зубы, собираю волосы в небрежный пучок, натягиваю первые попавшиеся под руку джинсы и красную тенниску с логотипом бара, в котором успела отработать лишь пару недель, прежде чем отец заставил меня бросить это занятие, поскольку посчитал его недостойным. Затем надеваю кроссовки и спускаюсь вниз. Мама с вялым видом готовит завтрак. Она не любит возиться на кухне, но у нее нет выбора: сегодня у Линды выходной.

Отец сидит за столом и листает газету. Никто из родителей не удостоивает меня даже взглядом, что меня радует, поскольку мать точно устроила бы мне разнос за мой внешний вид.

Однако, как только она меня замечает, тут же произносит вежливым, но бесстрастным тоном: «Не поздно ли,

Анаис?» При этом ее взгляд сосредоточен на сковородке, на которой жарятся блинчики.

Мне хочется ответить ей, что если бы она проявила заботу и пришла меня разбудить, то сейчас бы я не опаздывала, но мои родители считают, что их дочери полностью отвечают за свои действия и должны подниматься вовремя сами.

Я гляжу на часы: действительно, уже очень поздно и я не успею на первый урок. Я могла бы схватить яблоко и выскочить из дома, но мать меня останавливает:

— А ну-ка садись и завтракай! — резко бросает она мне. Ее глаза излучают гнев, однако потом она просто качает головой и меняет тон.

— Нам с отцом нужно с тобой поговорить.

Черт! Видать, все по-настоящему серьезно, раз у нее нет времени устроить мне взбучку.

В моей голове звучит сигнал тревоги. Наверняка они снова готовы завести один из своих обычных разговоров, цель которых мне хорошо известна. Но сегодня у меня нет никакого желания их слушать, что бы они ни собирались мне сказать или приказать... Или как бы ни хотели меня отругать.

Я усаживаюсь рядом с отцом, который со своей неизменной выхолощенной невозмутимостью откладывает газету и произносит: «Доброе утро, Анаис».

Почему этот человек никогда не улыбается?

— Доброе утро, папа, — отвечаю я.

— Нам хотелось бы, чтобы здесь была и Ева, но тогда будет уже слишком поздно, так что мы сообщим ей обо всем по телефону.

О нет! Грядет что-то серьезное, так что я напрягаюсь и ловлю каждое его слово.

Мать ставит на стол подальше от меня — боже, как же она не хочет, чтобы я растолстела! — полную тарелку политых кленовым сиропом блинчиков, молоко и свежесжатый апельсиновый сок.

Вкусный аромат раззадоривает мое обоняние, однако мой желудок, напротив, сжимается.

Меня начинает тошнить.

Сара Пуртура

Наконец мама тоже садится за стол и вступает в разговор:

— Ты ведь знаешь, что частная клиника твоего отца пользуется огромным уважением. Это означает, что есть куча инвесторов — друзей и партнеров, — которые верят в него и поддерживают его... Боже мой, Анаис! Ты же не собираешься идти в школу в таком виде?

Черт! Зря я надеялась улизнуть!

Ее взгляд обращен на меня, и я натягиваю рукава, почти пряча кисти. Вчера я оставила новые порезы на руках. Не слишком глубокие, но все равно заметно.

— Мы решили принять участие в одной инициативе. На нее согласились все авторитетные лица этого города, — продолжает отец, не обращая внимания на лицо мамы, которое искривилось от вида моей одежды. — Это преумножит уважение финансовых партнеров, и возможные инвестиции позволят нам открыть новый педиатрический филиал.

Его голос становится мягче. Мне даже кажется, что отцу неудобно. Я не привыкла видеть его таким и совсем не понимаю, зачем мои родители пытаются посвятить меня в свои дела. Раньше они никогда этого не делали.

Я молчу дольше положенного, и отец фыркает: «Анаис, на твоём месте было бы вежливо проявить хотя бы чуточку любопытства».

Ах да! Меня должно интересовать все, что связано с ним.

— Итак, — он начинает беспокойно постукивать рукой по столу, — мы решили стать участниками проекта по усыновлению.

Что вообще происходит...

— Усыновление? — выдавливаю я с изумлением.

— В Ирвайне есть специальный центр. Сейчас там настоящий хаос. В нем живут подростки, которых никто не хочет взять себе, поскольку они уже вышли из обычного для усыновления возраста. Им нужно найти дом как можно скорее.

Дети, которых никто не хотел...

Подростки, которые никому больше не нужны.

Я нервно сглатываю, когда силюсь представить, что значит быть отвергнутыми. Поступок моих родителей, безусловно, благороден, однако я по-прежнему не могу прийти в себя от этой новости.

Отец решает подсластить пилюлю и продолжает: «Это акт милосердия, Анаис. Для юноши, которого нам доверят, это будет временной ситуацией, но в конце первого года, по достижению совершеннолетия, он может согласиться на усыновление и взять нашу фамилию».

Юноша... Значит, здесь появится парень, и это уже решено.

Один бог знает, как сильно мои родители хотят продемонстрировать миру свою щедрость, однако на этот раз поступок кажется по-настоящему хорошим, и я не уверена, что своим молчанием отреагировала должным образом на эту новость.

— Я рада, — наконец выдавливаю я из себя. — Вы можете на меня положиться, однако сейчас... — я хватаю яблоко и мысленно благодарю этот разговор за то, что он позволил мне избежать завтрака. — Мне нужно идти, или я пропущу и второй урок.

Вокруг ничего не поменялось. Думаю, они приняли мое согласие как должное. Моя мать всплеснула руками лишь по поводу моего внешнего вида. Отец же, глядя на мою тенниску, даже не вспомнил о тех яростных спорах, что были между нами всего лишь пару месяцев назад. Пусть он, кажется, и в смятении, но сейчас просто поставил меня перед фактом. В действительности мое мнение ничего для них не значило.

Я выхожу из дома и думаю, кем будет этот парень. Я задаюсь вопросом, будет ли он младше меня, или, возможно, окажется моим ровесником. И все-таки целый год с Керперами... Сомневаюсь, что тот, кто познакомится с нами поближе, захочет остаться в нашей семье навсегда. Я сажусь за руль своего «Шевроле Спарк» — подарок от родителей на шестнадцатилетие. Да, я хожу в престижную школу, где учатся богатые дети, а мой парень, Брайан Майлс, одним прекрасным днем станет хозяином сети фешенебельных отелей своего отца.

Сара Пуртура

А еще он — квотербек школьной сборной. Все очевидно. И пока внешне я выказываю восторг от того, насколько моя жизнь выглядит идеальной, внутри себя я чувствую нарастающее раздражение, потому что в действительности моя жизнь совсем далека от идеала.

Я подъезжаю к школе. Место на парковке по соседству с машиной Брайана свободно. Никто не занимает его, как будто около них стоят указатели с нашими именами. Еще в конце прошлого года все эти привилегии казались мне очень важными, но теперь, наоборот, они начинают меня душить.

На парковке я встречаю своего парня.

— Привет, красотка, — он обнимает меня и целует, а затем окидывает меня взглядом и хмурит брови. — Что с тобой стряслось сегодня утром?

Мой внешний вид в этот момент, конечно, далек от облика мисс Вселенной, а моего парня всегда раздражает, если я не выгляжу идеально.

Я пожимаю плечами. Его мнение интересует меня с каждым разом все меньше и меньше, и если бы я могла наплевать еще и на родительские ожидания, то прекратила бы засовывать себе два пальца в горло или резать себя каждый раз, стоит им только неодобрительно на меня посмотреть.

— Поможешь мне? — спрашиваю я Брайана и протягиваю ему рюкзак.

Мы направляемся к зданию школы.

— Ты не должен пропускать занятия из-за меня.

— Это не проблема, — Брайан улыбается в ответ. — Почему ты опоздала?

— Не услышала будильник, а пока собиралась, родители решили шокировать меня новостью.

— Это какой?

Пока мы идем по пустому длинному коридору к кабинету литературы, я делаю глубокий вдох, который хорошо слышен в окружающей нас тишине, и выпаливаю: «Кажется, у меня скоро появится брат».

Брайан застывает как вкопанный, и когда я соображаю, что он остался позади, тоже останавливаюсь.